

создает свою команду, значит, Путин теряет свою. Все очень жестко: или люди Путина, или люди Медведева. Пока мы не видим, что Путин теряет своих людей. А Медведев, соответственно, не продвигает своих. На этом и строится сегодняшний баланс сил» (цит. по: Самарина А., Цветкова Р. Люди и кресла // Независимая газета. 2009. 2 июня ; см. также: Крыштановская О. Качели власти: Путин/Медведев. Кто на

самом деле правит Россией? // Независимая газета. 2009. 26 окт).

²² Соболев Н. Б. (арх. Серафим). Русская идеология. Москва, 2000. С. 135.

²³ Романович Н. А. Концепция «разделение властей» через призму концепции «симфония властей». URL: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/romanovich.pdf> (дата обращения: 15.05.2010).

УДК 323.23 (470+571)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПОВЕСТОК ДНЯ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет

E-mail: champy@yandex.ru

В статье рассмотрены основные подходы к определению «повестки дня», проанализированы уровни и содержание разных типов данного феномена. Автор предлагает считать отдельной разновидностью «повестки дня» информационную «повестку» и показывает ее исследовательский потенциал.

Ключевые слова: повестка дня, средства массовой информации, массовая коммуникация.

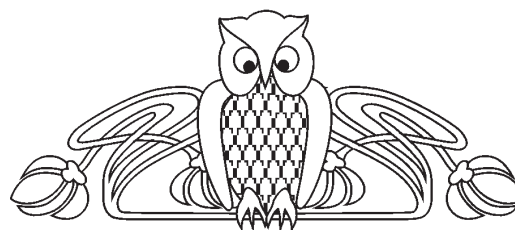
Interaction of Media and Political Types of Agenda: Posing a Question

A. A. Kazakov

In this article the main approaches to agenda's definition are characterized, levels and content of different types of this phenomenon are analyzed. Author offers to regard media agenda as a certain kind of agenda in general and shows its exploration potential.

Key words: agenda, mass media, mass communication.

В современной политологической литературе термин «повестка дня» является достаточно устоявшимся и широко используемым. Не вдаваясь в научные нюансы данной категории и учитывая ее историческое происхождение (от англ. agenda), приведем наиболее общие ее определения, предложенные Словарем современного английского языка издательства «Лонгман»: «перечень тем, подлежащих обсуждению»; «совокупность мер, которые необходимо принять»; «вещи, которые у всех на устах»¹. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту этого образного термина, в современном политическом дискурсе «повестка дня» обладает гораздо большим количеством смыслов, нежели принято ей отводить в обыденной речи. Причем расширение ее семантического напол-

нения происходило постепенно – на протяжении XX и XXI в. – по мере развития теории массовой коммуникации.

Отправной точкой в актуализации феномена «повестки дня», на наш взгляд, можно считать изучение воздействия материалов СМИ на общественное сознание классиками коммуникативистики: У. Липпманом («Общественное мнение», 1922 г.), П. Лазерсфельдом и Б. Берельсоном («Выбор народа», 1948 г.), Дж. Клаппером («Воздействие массовой коммуникации», 1960 г.). Позже внимание ученых было обращено к изучению косвенных эффектов масс-медиа: с подачи М. Маккоумза и Д. Шоу они начали рассматриваться в рамках более широкого процесса – «установления повестки дня» (agenda-setting)². Именно эти исследователи сформулировали три базовые разновидности «повестки дня»: личную, или внутреннюю (intrapersonal) как систему приоритетов в отношении наиболее важных для самого индивида социальных и политических проблем; межличностную (interpersonal) как систему приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы; и предполагаемую общественную (perceived community agenda) как представления индивида о том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит³.

В дальнейшем предложенное деление прочно вошло в исследовательский арсенал ученых, занимавшихся схожими проблемами. При этом как сами авторы теории установления «повестки дня», так и их последователи исходили (и исходят сегодня) из того, что главным субъектом формирования данных разновидностей «повестки дня» являются СМИ. Именно им отводится ключевая

роль в определении содержания публичной «повестки дня». И именно к этому сюжету – механизмам формирования общественной «повестки» посредством масс-медиа – чаще всего обращаются современные авторы⁴.

Между тем помимо сугубо общественной «повестки дня» в политической науке выделяют также и другие ее разновидности. Так, например, в своей работе «Исследование государственной политики: циклы и подсистемы политики» М. Говлет и М. Рамеш отдельно рассматривают системную (или публичную) и институциональную (или формальную) «повестки». «В системную повестку дня входят все проблемы, заслуживающие публичного внимания (к примеру, проблемы системы образования, охраны здоровья, окружающей среды и т. д.). Собственно говоря, системная повестка дня – это повестка дня общества, поскольку она включает сотни важных общественных проблем, требующих решения с помощью институтов власти. Вместе с этим лишь небольшая часть проблем системной повестки дня попадает в поле зрения власти. Проблемы, на которые власть обратила внимание, приняв к рассмотрению, автоматически переключаются с уровня системной (публичной) повестки дня в институциональную. Следовательно, публичная повестка дня является регламентом для обсуждения, а институциональная – повесткой дня для действия, что указывает на начало процесса политики относительно этой проблемы»⁵.

Очевидно, что системная (публичная) «повестка дня» в интерпретации Говлета и Рамеша – то же самое, что и общественная «повестка» в понимании исследователей, которые упоминались выше. А институциональная (формальная) «повестка» – это набор тем, которые являются приоритетными уже не для социума, а для власти. Примерно об этом же пишет и эксперт Центра политических технологий (г. Москва) Г. Ковалёв. Он обосновывает наличие так называемой политической повестки, включающей в себя список проблем, которые считаются не просто важными, а требующими для своего решения вмешательства государства⁶. Разделяя общую логику размышлений этого ученого, позволим себе возразить ему в том, что конкретно понимать под «политической повесткой дня». На наш взгляд, данная категория должна подразумевать не столько проблемы, которые можно решить только усилиями государства, сколько вообще те сюжеты (вне зависимости от уровня их сложности), которые само государство считает для себя приоритетными. Так, например, для решения демографической проблемы, безусловно, необходимо участие государства. Однако само политическое руководство страны вовсе не обязательно будет считать эту проблему ключевой. Стало быть, ее не будет и в политической «повестке».

Если взять за основу предложенное нами понимание, то подобная градация общей «повестки

дня» на общественный и властно-политический секторы в целом представляется не лишенной оснований. Кроме того, что у них совершенно разные носители (отдельная личность, социальная группа или общество в первом случае и правящая элита – во втором), эти две разновидности «повесток», по нашему мнению, также разнятся между собой по содержанию и субъекту их формирования. Что касается содержательного наполнения каждой из них, то здесь мы склонны согласиться с мнением все тех же М. Говлета и М. Рамеша, в приведенной выше цитате утверждающих, что лишь часть системной (читай – общественной) «повестки дня» соответствует структуре своего институционального (то есть политического) аналога.

В вопросе же о субъектах формирования общественной и властной «повесток» мы полагаем, что публичная «повестка дня» складывается преимущественно под воздействием СМИ, а политическая – под влиянием интересов и намерений руководства государства либо же сил, способных диктовать ему свои условия. При этом если в отношении решающей роли СМИ в определении общественной «повестки» в науке наблюдается относительное единодушие, то вопрос о факторах, детерминирующих «повестку дня» власти, с одной стороны, является гораздо более дискуссионным и менее разработанным – с другой. Так или иначе, но разность носителя, содержания и субъекта формирования этих «повесток», на наш взгляд, является достаточным основанием для того, чтобы считать их самостоятельными феноменами.

Более того, та роль, которую играют в этих процессах СМИ, позволяет говорить о существовании третьей разновидности «повестки дня» – медийной, или информационной. Необходимо отметить, что подобный подход встречается в науке значительно реже предыдущих. Разумеется, проблеме политического потенциала и воздействия медиа-структур на общественное сознание традиционно уделяется много внимания. Однако исследование данного сюжета именно в таком ракурсе – через «повестку дня» – является скорее исключением из правил. По крайней мере, на сегодняшний день нам удалось обнаружить совсем немного работ, в которых говорится о существовании медийной «повестки дня».

Одну из них мы уже упоминали. Г. Ковалёв определяет информационную «повестку» как набор из пяти-семи различных тем, предлагаемых обществу новостными СМИ для ознакомления⁷. От себя добавим, что эти темы должны регулярно предлагаться аудитории в течение более или менее длительного времени. Не отрицает возможности СМИ самостоятельно формировать «повестку дня» (не уточняя, правда, какую) и М. Мамонов⁸. Очевидно, что от общественной и политической «медиа-повестка» отличается

своим носителем: в данном случае им будет не социум и не власть, а сами СМИ. С определением же ее содержания и субъекта формирования есть некоторые сложности.

С одной стороны, вряд ли можно говорить о том, что медийная «повестка» полностью совпадает с публичной. Даже если принять точку зрения тех, кто считает, что общественная «повестка дня» формируется исключительно СМИ, не нужно упускать из виду того факта, что это касается лишь так называемых ненавязчивых проблем⁹. На наш взгляд, это уточнение позволяет утверждать, что в отношении «навязчивых» проблем люди способны сформировать свою «повестку» совершенно самостоятельно, без всякого участия СМИ. С другой стороны, трудно отрицать также и то, что зачастую информационная «повестка дня» выстраивается сверху, под непосредственным влиянием власти. Так, Г. Ковалёв убежден в том, что «медиа-повестка» формируется за счет перестройки и коррекции политической «повестки дня»¹⁰. Естественно, многое в данном случае зависит от характеристик конкретного государства, особенностей его политического режима и сложившейся модели отношений между властью и СМИ. Однако применительно к России нам представляется, что информационная «повестка» действительно во многом определяется политической. В условиях весьма ограниченного количества подлинно независимых и финансово самостоятельных СМИ (в данном случае мы прежде всего имеем в виду традиционные, а не так называемые новые медиа) расхождения между позициями власти и прессы по определению не могут быть серьезными. Другими словами, иногда содержание и субъект формирования медийной и политической «повесток» могут быть практически одинаковыми.

Тем не менее, несмотря на возможность подобных «пересечений», мы полагаем, что рассмотрение информационной «повестки дня» в качестве самостоятельного феномена, пусть и в увязке с «повесткой» власти, способно привести к весьма значимым научным результатам. Причем значимым как для политической теории, так и для практики.

Анализ соотношения политической и медийной «повесток дня», безусловно, позволил бы сформулировать новый ракурс рассмотрения политико-коммуникационных процессов. Сегодня особенно часто изучаются технологии и эффекты влияния медиа-текстов на сознание аудитории, а также широчайший спектр вопросов взаимодействия власти и общества. Имеются и исследования, посвященные различным аспектам политического потенциала СМИ. Однако сквозь призму частичного пересечения или полного совпадения «повесток дня» власти и медиа-сообщества эту сферу в настоящий момент практически не анализируют.

Вместе с тем такой подход к обозначенной тематике, на наш взгляд, обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать своего рода индикатором уровня свободы СМИ в конкретном государстве. Если принимать за основу тезис об абсолютной независимости масс-медиа от руководства страны в условиях подлинной демократии, выявление факта значительного пересечения информационной и политической «повесток дня» может считаться одним из показателей отступления от демократических принципов. И чем больше площадь совпадения данных «повесток», тем менее демократично можно считать медийно-политическую сферу конкретной страны.

Аналогичным же образом этот подход может быть применим и к определению политической роли отдельного СМИ или степени его ангажированности властями. Так, если информационный контент конкретного издания максимально приближен к официальной политической «повестке», то, скорее всего, это будет свидетельствовать о том, что данное СМИ относится к правящей власти лояльно. И наоборот: чем меньше будет обнаружено точек соприкосновения, тем больше оснований говорить о независимости позиций данной медиаструктуры. Иначе говоря, сравнительный анализ информационной и политической «повесток» может служить механизмом определения характеристик более общего порядка.

Применяя предложенный ракурс к различным исследовательским целям, неминуемо придется столкнуться, как минимум, с одной методологической проблемой – каким образом разграничить политическую и информационную «повестки дня». На сегодняшний день наиболее приемлемое решение этой задачи нам видится в том, чтобы вычленять медийную «повестку» с помощью контент-анализа одного или совокупности СМИ, а политическую – с помощью контент- и ивент-анализа публичных выступлений, официальных заявлений и интервью представителей правящей элиты, а также событий с их участием. При этом особого внимания, на наш взгляд, требуют к себе такие ресурсы формирования властной «повестки дня», как завоевывающие все большую популярность официальные сайты и блоги (в том числе в формате Twitter) национальных лидеров, а также их представленность в различных социальных сетях.

Говоря о политической «повестке дня», хотелось бы высказать предположение о ее внутренней неоднородности. Имеется в виду встречающееся несовпадение, с одной стороны, между официально постулируемой «повесткой» (заявлениями о намерениях, планах и проектах) и реальными действиями (принятием конкретных решений, законов и т. п.) – с другой. Таким образом, получается, что политическая «повестка» может распадаться на две части: мнимую и

реальную, для внешнего и внутреннего пользования. По нашему мнению, особенно часто такие ситуации можно встретить в области международных отношений, когда на словах провозглашается одно, а на практике осуществляется совершенно иное.

В этой связи анализ политической «повестки» в ее увязке с информационной также имеет ощутимый исследовательский потенциал. Не секрет, что иногда, желая выяснить отношение общественности к той или иной инициативе, власть намеренно запускает данную идею сначала в медиа-поле, а уже потом, в случае положительной реакции аудитории, переводит ее в плоскость публичной политики. В таких ситуациях анализ информационной «повестки дня» позволил бы спрогнозировать возможное в будущем перемещение конкретного сюжета в реальную политическую «повестку».

Применительно к сфере международных отношений подобная эвристическая способность предлагаемого подхода проявляется несколько иначе. В силу того что каноны дипломатии предполагают установку на избежание разного рода резких и категоричных по своему характеру заявлений и инициатив, официальные позиции государств достаточно редко отражают истинные устремления и задачи политического руководства стран. Чаще всего они, напротив, подчеркивают приверженность принципам миролюбия, взаимовыгодного партнерства и сотрудничества, общечеловеческим и демократическим ценностям и т. п. В то же самое время на уровне связанных с государством СМИ (а таковые имеются практически в любой стране) все не вошедшие в официальную позицию мотивы и установки вполне могут быть успешно артикулированы. Тем самым, анализируя информационную «повестку дня», исследователь, равно как и сотрудник дипломатических служб, получает инструмент для выявления латентных составляющих политической «повестки для внутреннего пользования».

При этом вероятность таких «утечек», на наш взгляд, практически не зависит от степени пересечения медийной и политической «повестки»: даже в самом демократическом обществе, в котором пресса максимально независима от власти, СМИ, как правило, значительно смелее, чем представители правящей элиты, высказываются по самым разным «деликатным»

международным поводам. В случае же когда в полной мере реализуется модель определяющего влияния политической «повестки» на информационную, такое «называние вещей своими именами» и вовсе встречается сплошь и рядом. А значит, предложенный подход приобретает еще больший исследовательский потенциал.

Примечания

- 1 См.: Longman Dictionary of Contemporary English. International students edition. Edinburgh Gate, Harlow, England, 1995. С. 27.
- 2 См.: McCombs M., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass-media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36.
- 3 См.: Дьякова Е., Трахтенберг А. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. С. 77.
- 4 См., например.: Дьякова Е. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург, 2002. ; Зимин М. Эффективность медиатизированной массовой коммуникации в избирательном процессе: теоретические модели и электоральная практика. URL: <http://www.ej.kubargo.ru/2006/04/11> (дата обращения: 2.05.2011); Мамонов М. Роль политических субъектов в формировании приоритетов межличностной «повестки дня» россиян // Политэкс. 2008. № 3. С. 97–107.
- 5 Цит. по: Куц Г. «Установление повестки дня» и политический режим: проблема корреляции / Изменение России: политические повестки и стратегии : Междунар. науч. конф. : тезисы докладов. М., 2010. С. 121.
- 6 См.: Ковалёв Г. Символизация политической власти: концептуальное поле исследования. URL: <http://polite.com.ua/library/3693-.html> (дата обращения: 3.05.2011).
- 7 Там же.
- 8 Мамонов М. Указ. соч.
- 9 В интерпретации Г. Цукера «навязчивые» проблемы – это те, с которыми люди имеют дело непосредственно и постоянно и которые тем самым приобретают общественную значимость вследствие личного опыта людей, а «ненавязчивые» – те, в отношении которых у людей нет личного опыта, а потому именно СМИ являются единственным источником информации о них. Цит. по: Дьякова Е., Трахтенберг А. Указ. соч. С. 78.
- 10 Ковалёв Г. Указ. соч.